

Война и военные конфликты в общественном развитии (к юбилеям Великих войн)

28—29 апреля в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН состоялось расширенное заседание учёного совета — **44-ая годовичная сессия**, темой которой стали война и военные конфликты в общественном развитии. Открывая работу сессии, директор института, д.и.н., профессор В.Л. Ларин отметил, что в 2015 г. 70-летняя годовщина победы в Великой Отечественной войне совпала с юбилеями окончания Второй мировой и Русско-японской войн. Каждая из них оставила неизгладимый след в истории не только нашей страны: их итоги во многом определили векторы важнейших процессов, происходящих сегодня в мире.

Первая часть сессии, посвящённая мировоззренческим основаниям войны, открылась докладом ст.н.с. Отдела китаеведения, к.и.н. Н.П. Рябченко «Концептуальный подход к проблеме войн». По мнению автора, к экспансии чужих территорий государство толкает, как правило, недостаток собственных ресурсов для обеспечения жизненными средствами растущего населения. Он отметил, что между войнами и характером социального строя, его эволюцией существует тесная связь. Общий для человечества строй — патриархат, а война — основное и постоянное занятие мужской части социума. В этом человечество повторяет отношения в живой природе, где мужские особи территориальных животных постоянно борются за места обитания.

К следствиям войн докладчик отнёс утилизацию избыточного продукта и вынужденные миграции населения, в ходе которых устанавливаются разнообразные культурные контакты между народами, изменяются транспортные и торговые пути. Представления о справедливых, оборонительных, национально-освободительных и несправедливых, захватнических войнах, а также о допустимых и недопустимых способах их ведения способствуют упрочению позиций морали в обществе. Одним из важнейших факторов войн стал научно-технический прогресс: с одной стороны, человечество открыло путь в космос и к атомной энергии. С другой — достижения в области производства оружия массового поражения способны погубить жизнь на Земле.

По мнению Н.П. Рябченко, в будущем войны по-прежнему будут сопутствовать человечеству, но изменятся формы насилия. На смену летальным формам военных акций придут достаточно мягкие формы организационного насилия (информационные, пропагандистские, экономические), позволяющие ещё на начальных этапах предрешать получение необходимых результатов. Соответственно станут прилагаться усилия к формированию определённых качеств людей, необходимых предпосылок и тенденций изменения социума. Учитывая перспективу вступления в консервативное общество, реальным становится предположение об усилении разного рода ограничений, наращивании организационного насилия и о возрастании сопротивления ему. Этапы этого противостояния будут определять ход истории.

Вопрос о том, как нам относиться к войне, поднял в своём докладе заведующий Кафедрой философии ДВО РАН, к.ф.н. А.В. Поповкин. В поисках ответа он обращается к работе русского философа И.А. Ильина «Духовный смысл войны», написанной после начала Первой мировой войны. Война, как указывает Ильин, и как мы видим на собственном опыте (осмысливая события на Украине), оказывается вторжением общего предмета в души людей, приводя в столкновение различные мировоззренческие позиции. Так, с точки зрения либерализма, высшей ценностью является право единолично распоряжаться собственной жизнью и право на образ жизни по своему выбору. Патриотизм же предполагает существование ценностей более высокого порядка, чем личные и семейные. В обычных условиях эти два мировоззрения могут достаточно мирно уживаться, но война выводит их в общее смысловое поле, заставляет каждого человека сделать выбор, порой очень нелёгкий.

Автор полагает, что Ильин патриотическую любовь к Родине, разгорающуюся в сердцах людей во время войны, подъём народного духа, преодолевающего частные интересы и разобщённость, верно опознаёт как действия духовные по природе, но ошибочно — как безусловно благие. Ведь человеческая любовь может принимать довольно уродливые формы, калечащие как любящего, так и предмет любви. Такова была любовь к Германии немецких нацистов.

По убеждению докладчика, в поисках духовного смысла войны стоит руководствоваться тезисом, сформулированным Ильиным: «Жить стоит только тем, за что стоит умереть». Но, с другой стороны, нам следует помнить и мудрый завет Ф.М. Достоевского: для того, чтобы найти подлинный смысл жизни, нужно «любить жизнь больше, чем смысл жизни». Только в этом случае мы избежим как малодушного эгоизма, так и холодной, отвлечённой духовности разных ипостасей фашизма.

К истории изучения такого явления, как война, обратился в своём докладе мл.н.с. Центра истории культуры и межкультурных коммуникаций, к.и.н. Р.В. Гвоздев. По его мнению, феномен войны рассматривается в рамках двух направлений. К первому можно отнести исследователей, изучающих её в историческом контексте, объясняющих её возникновение политическими, экономическими, социальными причинами. Другие, не принимая во внимание конкретных исторических условий, в попытке ответить на вопрос о мотивах индивида взять в руки оружие исходят из черт, присущих человеку как виду, в т.ч. и в социальном плане. В этом направлении докладчик выделяет ряд подходов. Сторонники психологического, например, полагают, что человеку изначально присуща агрессия, которая является причиной возникновения вооружённых конфликтов. Им же принадлежит идея о влиянии враждебного окружения или внешней агрессии на внутреннюю сплочённость общества. Приверженцы этологического подхода видят в войнах фактор успешной адаптации вида, группы или отдельных особей к окружающей обстановке, а выжившие в этих условиях популяции рассматривают как наследников агрессивных предков. Автор приходит к общему выводу, что социокультурная эволюция, резко обогнавшая развитие биолого-генетических приспособлений у человека, и возникновение абстрактного мышления, позволившего сформировать понятие ценностей, безусловно, стали факторами, значительно повлиявшими на процесс возникновения войн.

В рамках изучения вооружённых конфликтов докладчик остановился на анализе такого явления, как групповая солидарность, а также рассмотрел национальный, этнический и субкультурный её уровни при возникновении вооружённых конфликтов.

Большой интерес вызвал доклад в.н.с. Отдела этнографии, этнологии, антропологии, к.и.н. В.А. Тураева «Война и народ: не юбилейные размышления в связи с 70-летием победы советского народа в Великой Отечественной войне». Автор отметил, что наряду с подчёркнуто неуважительным отношением к нашей победе, которое демонстрируют недоброжелатели РФ, попытки критического переосмысления событий военных лет наблюдаются и у части российского общества. Связаны они со сменой поколений и особенностями их прошлой интерпретации. Для большинства современных россиян победа в Великой Отечественной войне — лишь исторический факт, с их мироощущением она связана слабо, следовательно, неизбежен и новый взгляд на события войны. С другой стороны, характерной чертой отечественной историографии стало избирательное освещение тех или иных страниц нашей истории, тем более такого грандиозного явления, как Великая Отечественная война. Замалчивалось или недоговаривалось многое: события, в которых военное руководство страны оказалось не на высоте, проблемы коллаборационизма, демографические, морально-этические и политические последствия войны. Практически неизвестная её страница — жизнь народа в оккупации.

Причины возникновения подобных умолчаний и недоговорённостей разные. Слишком высокую цену победы, например, понимали всегда, но откровенный разговор на эту тему долгие годы был невозможен, поскольку живы были миллионы творцов этой победы. Ставить под сомнение цену, которую они заплатили за неё, считалось безнравственным. О весьма неприятных для патриотического сознания фактах участия в войне на стороне врага части крымских татар, калмыков, чеченцев и ингушей, украинцев и прибалтов старались не распространяться, чтобы не подрывать единство и дружбу советских народов. Примером может стать тот факт, что белорусскую деревню Хатынь и её жителей сожгли не немцы, а украинские и латышские националисты. Но если бы не замалчивались их «подвиги», может, и не было бы сегодня «бендеризации» Украины?

Великая Отечественная война дала многочисленные примеры массовой жертвенности народа во имя победы, но она же породила и невиданные ранее случаи массового предательства. Нельзя сказать, что эта неприятная страница осталась совсем уж неизвестной, но вот о глубинных причинах этого явления до сих пор не говорится, а их надо искать в особенностях генезиса советской власти. Большевики хорошо понимали, что их победу в Гражданской войне значительная часть населения приняла по необходимости. Результатом стала многолетняя бескомпромиссная борьба с потенциальными противниками, породившая множество несогласных, недовольных, обиженных. Врагами своей страны их сделала сама власть.

Юбилейная дата обострила споры вокруг фигуры Сталина. Наводит на размышления судьба идеологий, схватившихся в смертельной борьбе в годы войны, — социал-национализма и коммунизма. Иногда их необоснованно ставят на одну доску. Война привела к опустыниванию огромной территории. Безвозвратно исчезли сотни российских деревень. Одни были сожжены дотла фашистами, другие исчезли потому, что в них некому было возвращаться с войны. Вместе с деревнями неизбежно исчезала и великая русская деревенская цивилизация. Этот факт по-настоящему не осмыслен до сих пор. По-прежнему много недоговорённостей по поводу демографических, этнокультурных, политических последствий Великой Отечественной войны. Выиграв войну, народ не сумел изменить государство. Все эти факторы должны стать предметом будущей дискуссии.

Особое значение для осмысления такого явления, как война, имеют живые свидетельства людей, переживших её. Своими воспоминаниями поделилась гл.н.с. Отдела этнографии, этнологии, антропологии, д.и.н. Ю.В. Аргудяева. Во время ВОВ она жила в с. Иннокентьевка Нанайского района Хабаровского края. Отца, как и большинство мужчин, забрали в армию, а мать, дипломированный врач, имела большую практику, проводила профилактическую работу среди населения, готовила санинструкторов для фронта. Война заставила детей быстро повзрослеть и стать самостоятельными. Уже в возрасте шести лет они умели рыбачить на т.н. закидушки, просто используя мешок вместо бредня, и обрабатывать огород. Вместе с воспитателем всей детсадовской группой они собирали лекарственные травы в тайге, а также грибы, ягоды, жёлуди, чтобы хоть как-то пополнить скудный рацион. Многие сельчане отправляли на фронт скромные посылки: бритвенный прибор, собранный вручную, полотенце, простой карандаш, печенье. Муку, выдаваемую, как и хлеб, по карточкам, старались не есть, берегли для этой выпечки. Юлия Викторовна отметила, что уровень патриотизма был, действительно, очень высоким, многие «буквально рвались на фронт». Хорошо помнит она и всеобщее ликование в День победы, и то, как в августе 1945 г. провожали военнотружущих на войну с Японией. «Детвора, приветствуя солдат, бросала им цветы, овощи. Огурцы, морковь, помидоры, горох исчезли тогда с огородов — всё забрасывали военным на автомашины. А спустя некоторое время мы, дети, присутствовали на захоронении наших военнотружущих, погибших в боях с Японией». По словам докладчика, опыт военных лет воспитал чувство причастности к судьбе Родины и ответственности за порученное дело, стремление помочь людям и желание походить на тех, кто отдал все силы в тяжёлые для людей, для нашей страны годы.

В истории международных отношений особое место принадлежит межгосударственным конфликтам, приобретающим порою весьма жёсткий характер, вплоть до военных столкновений. К истории одного из таких сложных и острых конфликтов в отношениях между СССР и Китайской Республикой — конфликту на КВЖД 1929 г., приведшему к краткосрочной войне, — обратилась зам. директора по науке, д.и.н., проф. Л.И. Галлямова. Согласно подписанному 31 мая 1924 г. Соглашению об установлении межгосударственных советско-китайских отношений, СССР объявил «уничтоженными» все договоры, соглашения бывшего царского правительства с Китаем, затрагивающие суверенные права или интересы последнего, отказался от прав экстерриториальности и консульской юрисдикции, признал КВЖД чисто коммерческим предприятием с управлением, основанным на принципах полного равноправия. Из-за отказа главы администрации Маньчжурии, по территории которой проходила эта железная дорога, признать правомерность подписанного в Пекине Соглашения был заключён Мукденский договор, большинство пунктов которого касалось вопросов КВЖД.

С приходом к власти в Китае в 1927 г. правонационалистических сил во главе с генералом Чан Кайши положение на КВЖД резко изменилось, поскольку в антикоммунистическом курсе гоминьдановского правительства захвату КВЖД отводилось центральное место. Обострение напряжённости в отношениях между СССР и Китаем достигло апогея в 1929 г.: в конце мая китайские власти провели обыски в Генеральном консульстве СССР в Харбине, а также в советских консульствах в Сахалине, Цицикаре и Маньчжурии, обвинив советские органы в подрывной деятельности против Китая. 10 июля 1929 г. китайские власти

произвели налёт на КВЖД, захватили телеграф, прервав сообщение с Советским Союзом, закрыли и опечатали торговое представительство СССР, а также отделения Госторга, Текстильсиндиката, Нефтесиндиката и Совторгфлота. По всей линии КВЖД были закрыты и разгромлены профессиональные и кооперативные организации, арестованы более 200 рабочих и служащих-железнодорожников, издан приказ об увольнении советской администрации дороги. Началось сосредоточение вдоль советских границ маньчжурских войск, а вместе с ними — белогвардейских отрядов.

17 июля 1929 г. СССР заявил о разрыве дипломатических отношений с Китаем. В 20-х числах был эвакуирован персонал советских консульств в Харбине, Хайларе, Цицикаре, Сахаляне, Маньчжурии, Пекине, Тяньцзине и на ст. Пограничная. Китайским дипломатам также было предложено немедленно покинуть пределы СССР. В течение последующей недели по всей линии КВЖД китайские власти провели серию обысков и арестов среди профсоюзных активистов и членов стачечных комитетов, всего задержали более 3 тыс. советских граждан.

С июля до начала ноября 1929 г. регулярные части китайской армии совершили 42 нападения и 245 обстрелов территории СССР. 6 августа 1929 г. приказом Реввоенсовета СССР была создана Особая Дальневосточная Армия (ОДВА), командующим которой назначили В.К. Блюхера. С китайской стороны была сконцентрирована 300-тысячная армия под командованием Чжан Сюэяна (по другим данным — примерно 100-тысячный контингент Мукденской армии), которую в ходе военных действий советские вооружённые силы разгромили, отбросив её части подальше от границ СССР.

Советско-китайский конфликт был урегулирован подписанием 22 декабря 1929 г. в Хабаровске «Советско-китайского протокола о восстановлении положения на КВЖД». Статус-кво на КВЖД восстанавливался, все без исключения советские и китайские граждане, арестованные в связи с конфликтом, а также интернированные китайские военнослужащие подлежали освобождению, сохранялись права СССР в отношении дороги. Хабаровским протоколом предусматривалось восстановление советских консульств в Северо-Восточном Китае, равно как и китайских консульств в Сибири и на Дальнем Востоке. Возобновлялись работа советских хозяйственных организаций на китайской территории и деятельность китайских коммерсантов в СССР.

Конфликт на КВЖД, приведший к военному столкновению между СССР и Китаем, с одной стороны, стимулировал улучшение китайско-японских отношений, с другой, привёл к росту вооружений и укреплению обороноспособности дальневосточных границ СССР. После аннексии Японией Маньчжурии в 1931 г. советско-китайские дипломатические отношения были восстановлены. СССР пришлось согласиться на продажу КВЖД, что смогло устранить опасность войны, но привело к потере влияния СССР в регионе на целое десятилетие.

Тему непростых взаимоотношений с соседями по региону продолжил ст.н.с. Отдела китаеведения, к.и.н. А.В. Полутов в докладе «Военные конфликты в отношениях Японии с Российской империей и СССР: проблемы и отложенные результаты». Автор отмечает, что более чем за два века Япония и Россия не успели накопить достаточного опыта для взаимовыгодного сотрудничества, т.к. большинство проблем в двусторонних отношениях решались исключительно силовым путём. В истории военных конфликтов двух стран особое место занимает Русско-японская война 1904—1905 гг., поражение в которой не только принесло

России территориальные потери и сильнейший удар по национальному самолюбию, но и в дальнейшем оказывало значительное воздействие на внешнюю и внутреннюю политику Российской империи и СССР. По словам докладчика, «поражение в войне с японцами породило в высшем политическом и военном руководстве „флотобоязнь“ и уродливый перекокс в сторону „континентальной“ автаркии». Победа СССР над Японией в 1945 г. зачастую расценивается именно как реванш за поражение в 1905 г.

Финансовые и имущественные претензии, возникшие у японцев после «советизации» Дальнего Востока и передачи СССР Сахалина и Курильских о-вов, а также отказ удовлетворить их во многом оформили фундамент политики и рамки сотрудничества, которые как в то время, так и сейчас ограничиваются преимущественно сырьевыми отраслями — рыба, лес, уголь, нефть. Негативным образом на экономические взаимоотношения двух стран повлиял тот способ ведения дел, который отмечался у отечественных предпринимателей начала 90-х гг. Сильно осложняют российско-японский диалог досрочная денонсация пакта о нейтралитете между СССР и Японией, нарушение обязательств по репатриации японских военнопленных, обоюдное непризнание военных преступлений и казусов и, конечно, территориальная проблема.

Автор доклада приходит к выводу, что Япония по-прежнему считает Россию «естественным и вероятным противником» и не желает её доминирования в регионе, а Россия, в свою очередь, не может смириться с давним поражением в войне 1904—1905 гг., настаивает на своей победе в 1945 г. и тем самым ставит во главу угла архаичные советские идеологемы, а не прагматические реалии XXI в., обусловленные процессами глобализации мировой экономики и опережающего развития передовых технологий. Главная цель отношений с Японией должна быть одна — получение выгоды в любой области сотрудничества с использованием слабых и нейтрализацией сильных сторон японцев. Для этого необходимы достаточная военная и избыточная экономическая мощь на Дальнем Востоке России.

С обобщающим докладом о роли российского казачества в войнах и военных конфликтах первой половины XX в. выступил заведующий Отделом истории Дальнего Востока, к.и.н. О.И. Сергеев. Первая половина XX в. — самый сложный период в истории российского казачества. Политические и социально-экономические катаклизмы насильственно переформировали его из весьма заметного сословия Российской империи, насчитывающего около 3,5 млн чел., в составную и трудно определяемую часть крестьянства страны Советов. При этом значительный процент казачества вообще был изгнан на территории зарубежных государств, где с разной степенью успешности пытался сохранить свою казачью суть.

Этот же период характеризовался участием казаков в многочисленных войнах и военных конфликтах, в т.ч. в мировых — Первой и Второй — войнах. При этом в начале века и в годы Первой мировой войны казачество выступило в качестве составной части российских вооружённых сил, вошло в состав т.н. иррегулярных войск и успешно защищало свою Родину, будучи единым и сплочённым. А после революции 1917 г. произошло его социально-политическое размежевание, в т.ч. и в военной сфере. Гражданская война это чётко выявила, а после закрепила во внутренних конфликтах и внешних военных столкновениях, включая Вторую мировую войну, когда с одной стороны фронта находились казаки, защищавшие советскую Родину, с другой — прежнюю Россию, в надежде возродить и прежнее казачье сословие.

Основными и тяжелейшими войнами отмеченного периода являлись, безусловно, Первая и Вторая мировые. Всего в период Первой мировой войны было сформировано 166,5 казачьих конных полков, 30 пеших батальонов, 54 артиллерийские батареи и ряд других частей. На 1 января 1917 г. казачья кавалерия составляла почти 70% всей русской конницы. Казаки Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск выставили в годы войны 12,5 полков и 5 артиллерийских батарей, что составляло 7,5% от всего количества казачьих полков России и 9,3% артиллерийских батарей. Казаки воевали на всех театрах военных действий — на северном, западном, юго-западном, румынском, кавказском и др. фронтах. Всего до конца 1916 г. в Забайкальском, Амурском и Уссурийском казачьих войсках среди офицеров было награждено орденом Георгия 18 чел., Георгиевским оружием — 26 чел.; среди рядового состава Георгиевский крест получили 2443 чел., Георгиевскую медаль — 1801 чел.

В годы Второй мировой войны, в т.ч. и в Великую Отечественную, исключительно казачьих по своему составу воинских формирований не существовало. Казаки воевали в рядах мотострелковых, танковых, артиллерийских и др. соединений, но особенно отличились они в кавалерийских частях Красной армии. За четыре года войны с территории Дальнего Востока (Приморский, Хабаровский края, Амурская, Камчатская, Магаданская, Сахалинская, Еврейская автономная области) призвали около 517 тыс. чел. Из Амурской области в РККА было призвано около 100 тыс. чел. (включая 3 тыс. потомственных казаков), из Хабаровского края — 77 тыс. Только из Гродековского района Приморского края, заселённого в значительной части казаками, на фронт ушло 3026 чел.

Летом 1941 г. было принято решение об увеличении числа кавалерийских дивизий в армии: в июле — августе сформировали 48 дивизий т.н. лёгкого типа, к концу года — около 100. В организации кавалерийских дивизий казачество принимало самое активное участие. Большинство их было сформировано в Северо-Кавказском военном округе из казаков Дона, Кубани, Терека. Уральский военный округ предоставил свыше 10 дивизий, в основном из уральских и оренбургских казаков. Сибирские, енисейские, иркутские казаки включались в кавалерийские части Сибири. Семь дивизий — в Забайкалье и на Дальнем Востоке из забайкальских, амурских и уссурийских казаков.

Население Дальнего Востока, включая казачество, понесло колоссальный урон в результате войны. В Амурской области из призванных в армию около 100 тыс. чел. (примерно 6-я часть общей численности её населения), в т.ч. около 3 тыс. потомственных казаков, примерно 40 тыс., включая 1176 казаков, погибли и умерли от ран. Возраста 30—40 лет достигли лишь немногие призывники, а основной контингент составила молодёжь от 18 до 30 лет. Из 3026 жителей Гродековского района Приморского края, ушедших защищать Родину, погибло 1813 чел., в их числе были казаки. Не вернулись с фронта жители бывших посёлков Уссурийского казачьего войска: Барано-Оренбургского — 44 чел., Богуславки — 32 чел., Софье-Алексеевского — 19 чел., подобные потери были и во многих других бывших станицах. Таким образом, военные потери российского казачества, включая дальневосточное, были невосполнимыми. Казачество как организованная и самобытная часть населения исчезало. Призванные в армию воевали доблестно, в лучших казачьих традициях. За годы Великой Отечественной войны 262 казака-фронтовика получили звание Героя Советского Союза, а 30 чел. стали полными кавалерами орденов Славы.

О ратных и трудовых подвигах аборигенов Приморья и Приамурья в период Великой Отечественной войны рассказал заведующий Отделом этнографии, этнологии и антропологии, д.и.н. А.Ф. Старцев. Несмотря на то, что коренные малочисленные народы до 1943 г. не подлежали обязательной мобилизации, нанайцы, орочи, эвенки, удэгейцы и др. представители КМНС принимали активное участие в битвах на западных и восточных фронтах Второй мировой войны. Добровольцами ушли 150 удэгейцев, что составляло 10% всего удэгейского населения. Потери среди аборигенов были невосполнимыми: из 32 хорских удэгейцев и 78 жителей национальных сёл Красного Яра и Олона каждый третий пал смертью храбрых на полях сражений при обороне Ленинграда, Сталинграда, Москвы, при освобождении Польши, Венгрии и др. государств. Представители КМНС были лучшими снайперами и разведчиками. Почти все они награждены орденами и медалями, а Иннокентий Петрович Увачан (эвенк) и Александр Падалеевич Пассар (нанаец) имели звание Героя Советского Союза.

Немалый вклад в победу внесли аборигены, трудившиеся в тылу. Население удэгейских посёлков Приморского и Хабаровского краёв изготовило и отправило бойцам Советской Армии сотни пар меховых рукавиц, меховые шапки, чулки и поддёвки (жилетки) и т.д. Хорские удэгейцы колхоза «Ударный охотник» собрали 70 тыс. руб. на постройку эскадрильи боевых самолётов имени народов Севера. Взнос самаргинских удэгейцев равнялся 100 тыс. руб., а бикинских — 40 тыс. руб. Имена представителей коренных народов Приморья и Приамурья навсегда вписаны в летопись Великой Отечественной войны.

Деятельность комсомольцев Владивостока в период ВОВ подробно осветил ст.н.с. Отдела истории Дальнего Востока, к.и.н. Ю.Н. Осипов. Основываясь на документальных свидетельствах, автор отметил, что городская комсомольская организация проводила работу по мобилизации комсомольцев в армию (некоторые ячейки отправили на фронт 60—80% от своего состава), подготовке истребителей танков, сандружинниц, шофёров, связистов, осуществляла сбор средств. На деньги, собранные комсомольцами Приморья, была построена танковая колонна из 20 машин Т-34 — «Приморский комсомолец». Многие комсомольцы брали на себя дополнительные трудовые обязательства и перевыполняли норму на 50—100%, осваивали вторые специальности. Отличились комсомольцы флота, став инициаторами экономии топлива и смазочных материалов. Путём рационализации, изобретений, строгого контроля над расходом только за полтора года войны удалось сэкономить десятки тонн топлива и смазки. Комсомольцы принимали активное участие в создании агитационных бригад, проводили пропагандистскую работу.

Великая Отечественная война оставила неизгладимый след во многих областях жизни народа, в т.ч. и в народном творчестве. Об этом рассказала заведующая Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций, д.филол.н. Т.В. Краюшкина в своём докладе «К вопросу о портрете национального лидера в русском фольклоре: Гитлер и Сталин в частушках периода ВОВ». В фонде русского устного народного творчества существует специфическая группа образов. Они являются особым, фольклорным, рода трансляцией образов исторически существовавших лиц. Особый интерес представляют парные персонажи, персонажи-антагонисты. Так, например, самой популярной парой национальных лидеров XX в., чьи образы были запечатлены в русском фольклоре, стали А. Гитлер и И.В. Сталин.

Одним из ведущих жанров устного народного творчества периода Великой Отечественной войны считается частушка. В частушках этого периода использовались яркие образы национальных лидеров — Гитлера и Сталина, чьи характеристики находятся в рамках традиционных народных представлений с учётом ритмики и рифмы песенного жанра. Образ Гитлера — закономерное продолжение цепочки образов лидеров-врагов Святой Руси: он оценивается по тем же признакам, что и его предшественники (обжорство, слабость характера, внешнее уродство), новым является активное пожелание смерти. В частушках чётко прослеживается три функции Сталина: он ведёт к победе (именно это его действие поможет уничтожить врага, Сталин — некий маркер неминуемой победы), отдаёт приказы (которые советские люди ждут с нетерпением и стремятся в точности исполнить) и становится объектом активного поклонения, заменив собой Бога (именно Сталину приносятся клятвы). Образ Сталина диссонирует с изображением предшествовавших лидеров-правителей нашего государства: чрезмерная идеализация образа вызывает и повышенное неприятие этого лидера народом. Заветные частушки зачастую зеркально отображают функции Сталина.

Тему отражения в общественном сознании военных конфликтов, происходивших на Дальнем Востоке в начале XX в., подняла в своём докладе в.н.с. Центра истории культуры и межкультурных коммуникаций, к.и.н. Л.Е. Фетисова. Подчеркнув, что своеобразным «архивом» народной памяти является устное творчество, автор проанализировала русско-китайский конфликт, поводом к которому послужило боксёрское восстание в Китае.

В 1900 г. обстрелу с китайской стороны подвергся г. Благовещенск. К сожалению, ответную реакцию русских, направленную прежде всего против мирных китайцев, проживавших в городе, вряд ли можно считать адекватной. По мнению докладчика, это послужило одной из причин неохотного обращения отечественных историков к данной проблеме. В военной операции активное участие приняли уссурийские казаки. Официальная версия, господствовавшая до 1917 г., рассматривала эти события как безусловную победу русского оружия. Подтверждением тому может служить текст казачьего марша «Воды Сунгари, Амура уж теперь у нас в руках». Гражданское население края откликнулось лирической песней «Шёл солдатик из походу», текст которой был записан автором в Приморском крае в 1970 г. Л.Е. Фетисова отметила, что в масштабах страны «китайская война» особого резонанса не получила, в отличие от начавшейся вскоре Русско-японской войны. Об этом свидетельствует и большое число фольклорных текстов, посвящённых героям, погибшим в 1904—1905 гг. Среди произведений, возникших в народной среде, были выделены баллада «Вспомним, братцы-уссурийцы» о гибели генерала Ф.Э. Келлера на Янзелинском перевале, а также песня о разведчике Василии Рябове, который был схвачен японцами и после жестокого допроса расстрелян. Популярности произведения способствовали выпущенные в Одессе лубочные картинки, посвящённые подвигу В. Рябова. Таким образом, региональная история становилась продолжением истории общероссийской, одновременно обогащая её местными реалиями.

К театральной культуре Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны обратилась в своём докладе н.с. Центра истории культуры и межкультурных коммуникаций, к.и.н. Э.В. Осипова. К началу войны на Дальнем Востоке был сформирован солидный массив театрально-зрелищных предприятий: краевого и городского значения, военные ведомственные театры, угольные, железнодо-

рожные, колхозно-совхозные и др. — всего 22 театра. Несмотря на отсутствие активных военных действий на территории региона, число военнослужащих было значительным: от 15 до 30% боевых средств Вооружённых Сил СССР. Театр, как одно из ведущих учреждений культуры, выполняя волю партии, обязан был духовно поддерживать воинов Дальневосточного фронта. Артисты в основном работали в тылу, но с изменением условий двигались вслед за своими зрителями на фронт.

Война задала искусству более жёсткий темпоритм, поэтому в основном постановки носили скорее плакатный, иллюстративный, гротескный характер, но были и полномасштабные: «Фронт» А. Корнейчука, «Русские люди» К. Симонова, «Крушение» Д. Слепяна, «Крылатое племя» А. Первенцева, «Дым Отечества» братьев Тур и Л. Шейнина, «Урок жизни» Головчинера и др. Зрители в годы войны ждали от театра не только героических, серьёзных спектаклей — ценились весёлая шутка, бодрый юмор. Не снималась с афиш русская и зарубежная классика. Отношения зрителя и сцены в этот период изменились: они стали более доверительными, люди, оказавшиеся в условиях войны, тянулись друг к другу и с радостью окунались в эмоции, которые им дарил театр. Искусство помогало верить в победу.

В определённые моменты истории театр становится особенно привлекательным для публики как форум обсуждения актуальных проблем существования общества. Так было и в годы Великой Отечественной войны. Государственная культурная политика в качестве санкционированного ценностного норматива через сценическое искусство внедряла социальные поведенческие стандарты «советского воина» и «простого советского человека», честно выполняющего свой долг в тылу. С этих героев можно было «делать жизнь», «брать пример», тем самым для зрителя облегчался духовный поиск.

Самая масштабная в истории человечества, Вторая мировая война затронула большинство стран мира. Не стала исключением и Новая Зеландия, которая, будучи членом Британского Содружества, объявила войну Германии в сентябре 1939 г. О том, как развивались отношения между Советским Союзом и Новой Зеландией в период войны, рассказала в своём докладе «Культурные контакты между Россией и Новой Зеландией в годы Второй мировой войны (1939—1945 гг.)» ст.н.с. Отдела этнографии, этнологии, антропологии, к.и.н. Е.В. Рудникова. По сведениям автора, в течение длительного периода в Новой Зеландии существовала официально поддерживаемая русофобия, «унаследованная» местными жителями от англичан. Последствия её были вполне реальными — от масштабного строительства оборонительных береговых сооружений для отражения нападения царского флота до отказа от установления дипломатических отношений с Советским Союзом. Однако ситуация изменилась во время войны. В 1941 г. было создано новозеландское «Общество за установление тесных отношений с Советским Союзом» («New Zealand Society for Closer Relations with Soviet Union»), существующее под другим названием и в настоящее время. Первоочередной задачей общества была мобилизация общественного мнения в стране с целью добиться от властей начала работы над установлением дипломатических и торговых отношений с Советским Союзом. Помимо этого члены общества и многие поддерживающие его деятели новозеландцы неоднократно собирали денежные средства для Фонда помощи СССР, которым руководила супруга английского премьер-министра У. Черчилля, проводили кампанию по сбору семян для пострадавших советских регионов, собирали средства на одежду и медицинские препараты и пр. Общество вело активную просветительскую деятельность: издавало памфлеты с объяснением роли

и позиции СССР, организовывало и проводило лекции, митинги о событиях, связанных с русской и советской историей и культурой.

Автор отмечает, что итогом деятельности общества в военный период можно считать более близкое знакомство местных жителей с СССР, изменение общественного мнения в стране по отношению к русским в положительную сторону, побуждение новозеландских властей к установлению дипломатических и торговых отношений с Советским Союзом, которое осуществилось в 1944 г.

Проблемы, с которыми сталкивается общество, выходящее из войны, стали темой доклада ст.н.с. Отдела социально-политических исследований, к.и.н. С.А. Власова «Послевоенная бедность на Дальнем Востоке как следствие Великой Отечественной войны». По мнению автора, существующий в советском обществе в послевоенные годы образ жизни большей части населения соответствовал уровню жизни бедных, основными характерными признаками которого являются плохое питание, невозможность приобретения новой одежды и обуви, плохие жилищные условия, недоступность качественной медицинской помощи.

Главным критерием определения границ бедности считается уровень доходов, но в СССР часть потребностей удовлетворялась за счёт общественных фондов потребления (ОФП), благодаря чему сохранялись низкие цены на жилищно-коммунальные услуги, общественный транспорт; медицинские услуги и жильё предоставлялись бесплатно. Как полагает докладчик, за счёт всего этого создавалась иллюзия, что бедных нет и люди не опускались до уровня нищеты.

На Дальнем Востоке люди тратили больше средств на продукты питания, чем население западных районов страны, поскольку цены на них были выше. Дефицит предметов первой необходимости промышленного производства вынуждал людей носить вещи и пользоваться предметами обихода, купленными до войны, а также изготавливать их в домашних условиях. Жилищные условия дальневосточников были плохими. Строительство жилья велось в ограниченных масштабах, в среднем на одного человека приходилось около 4 кв. м жилой площади (начало 1950-х гг.). Большинство людей проживали в домах без коммунальных удобств. Нехватка медицинских кадров, слабо развитая инфраструктура лечебных учреждений лишали часть населения Дальнего Востока (прежде всего в отдалённых сельских районах) медицинской помощи.

Автор пришёл к выводу, что в субъективном восприятии дальневосточники, как и все советские граждане, не ощущали себя «бедными», что можно считать парадоксом советского массового сознания. Послевоенная бедность стала сокращаться в годы хрущёвской оттепели, когда окончательно были ликвидированы последствия Великой Отечественной войны.

Подводя итоги сессии, В.Л. Ларин отметил, что военные конфликты являются неотъемлемой частью общественного развития, оказывают огромное влияние на многие стороны человеческой жизни, приводя к коренным изменениям в экономике, политике, культуре, мировоззрении. К более подробной оценке важнейших событий и последствий Второй мировой войны он предложил вернуться в рамках предстоящей конференции «Неоконченная война — незаживающие раны (к 70-летию окончания Второй мировой войны, 1939—1945 гг.)», которая будет проводится в ИИАЭ ДВО РАН 25—26 августа.

Ж.М. Баженова, кандидат исторических наук,
учёный секретарь ИИАЭ ДВО РАН